

СЕСТРЫ-ДОЧЕРИ

(УЧИЛКА)

1. КАТЯ – 22 года

Стол. Перед ним стоит видеокамера на штативе. Входит КАТЯ, это молодая женщина с подростковой фигурой. Она включает камеру, садится на стол.

Привет, Дашк. Вот решила тебе прислать такое видеописьмо. Ты прости, что я с тобой толком не общалась, не писала тебе, просто мне казалось, что ты всегда на стороне мамы, что бы не произошло. Ты ж мне в принципе тоже не писала. *(Улыбается.)* Ну ладно, чего вспоминать теперь? Было и прошло. Просто мне кажется, пора с холодной войной завязывать. Ты ж мне близкий человек, как никак. А мне сейчас очень надо с кем-то поделиться. А у меня нет тут никого. Ответишь или нет, хрен знает. Надеюсь, ответишь.

Я, наверное, самая плохая родственница в мире. Или не самая? Хэ-зэ. Короче, решила тебе рассказать кое о чем, ты же не в курсе ничего. А мама тем более. Вы даже не знаете, как я с Володей начала встречаться. Я уже и сама забывать стала. *(Смеется.)* Мне иногда кажется, что я придумала это все.

Короче, я Володю в общежитии видела, но замечать – не замечала. Ну есть старшекурсник и есть, и бог бы с ним. А тут восьмое марта, тусовка на седьмом этаже была, а я на все пьянки-гулянки вписываться старалась. Ты знаешь, если б с Володей все это не затеялось, я бы из универа все равно вылетела, потому что не училась ни фига: вечерами отрывалась – с утра отходила. И так постоянно. И всегда за чужой счет, мама-то вообще ничего не присылала. Мне просто казалось, что тусовки – это хоть какая-то польза от универа. От учебы-то меня выворачивало просто. Я ж, пока Ксюшка не родилась, детей вообще не переносила. А учителей еще больше не переваривала. А тут поступила – учитель младших классов, спасибо маме... Короче, пришла я на восьмомартовскую тусовку, знакомых вообще почти нет. Но мне пофиг. Сразу в дело включилась, очнулась только утром. В комнате у себя. Соседки нет, зато старшак какой-то на ее кровати сидит и на меня смотрит. Я говорю: «Ты отвернешься, может?» Он отвернулся, я майку натянула, спрашиваю его: тебя как зовут? А он говорит, знаешь, как бычок, мычит: Волооодя. И глазами своими кокер-спаниэльскими на меня смотрит. Я говорю: мил человек, че тут делаешь? А он, оказывается, меня ночью в комнату отвел и очень переживал, что я во сне захлебнусь. Рвотой. Сидел и отслеживал до утра, как я... *(Смеется.)* Я поржала, а он мне свидание на вечер назначает. А мне какая разница, где отрываться: в общежитии или еще где? Я согласилась.

И вот там, на самом первом свидании, я и влюбилась. Сейчас-то понимаю, из-за чего. А тогда голову потеряла. Нет, поначалу было очень тупо. Полный букет романтической фигни: букеты, прогулка, «Рафаэлло» и прочая фигня. Я думала, сейчас из-за угла выскочит человек с камерой и заорет: «Стоп! Снято!» Короче, я делала вид, что млею, а внутри меня просто от хохота разрывало. В кафе сходили, в кино, прогулялись, пошли в общагу. Вот там-то он меня удивил. И я влюбилась. Вова мне стишок прочитал. Я его потом наизусть выучила. Вот этот.

Тут не звери, а боги живут!

Ослепленный любитесь люд

павлинами, львами...

А меня почему-то привлек

ты, пушистый, ушастый зверек

с большими глазами.

Отыскал тебя в дальних краях

путешественник в синих очках,

в кокосовой шапке

и, с добычей вернувшись назад,

написал по-латыни доклад

о складке на лапке...

Ходит, ходит, не видя людей,

желтый лев за решеткой своей,

как маятник медный;

рядом – белый сияет павлин...

Кто заметит тебя? Ты один,

тушканчик мой бедный!

И с тоскою великой любви

я в глаза углубляюсь твои,

большие, больные:

в них вся жалоба жизни моей,

в них предсмертная кротость детей,

страданья родные...

А мне никто никогда стихов не читал, тем более, таких, про меня как будто. Я только потом узнала, что это Набоков написал, а тогда подумала, что Володя сочинил. И всё. Понеслась! Короче, то, что у Володи родители – богатенькие, ты и так знаешь. Они легко могли ему квартиру снять, он в общежитии жил, чтоб поближе к народу быть. А тут мы решили вместе жить, а в общежитии это нереально просто, если не женаты. Мама вину сразу ему денег на карточку – хлоп, и мы квартиру сняли. И я тут же залетела. Мне кажется, как вселились, в тот же день, и залетела (*смеется*). И круто! Я так рада была, ну ты помнишь, наверное. А Володя, как телёк, куда его поведешь, туда и идет. Я ему сразу сказала, что мне с ребенком нужна будет помощь, и что в Питере я, наверняка, буду себя комфортней чувствовать, чем в нашей глуши. И знаешь, в этом я точно права была. Я как вспомню наши поликлиники с обшарпанными стенами, плохо становится. Это ж кошмар. В них фильмы ужасов можно снимать, «Сайлент-хилл». И врачи еще... Ты видела, какой у них мрак в глазах? В Питере все-таки в тысячу раз лучше. Ну да ладно.

Так вот я залетела, мы тут же расписались и поехали к вам в гости. Ну дальше ты знаешь: мама нос вверх, фыр-фыр-фыр, как это так? дочь ничего не сказала? уже замужней приехала, и с пузом. Ой, как я тогда взбесилась, ты не представляешь! Мы вам сказали, что Володю срочно в универ вызвали, но хрен там! Это я просто решила срулить побыстрее. Короче, Вовчик диплом получил, я академ взяла, и мы в Питер свалили. Блиин, Дашка, я до этого в Москве пару раз была, да и то как-то быстро-быстро, а тут в таааакой город попала. Прикинь, ё! да с деньгами! да после нашего сельпо! Это просто чума! Одно нездорово: мамаша Володина меня возненавидела сразу. Как же, любимого ее сыночка от сиськи материнской отрывают? И ладно я хотя бы из Москвы родом была, а то «дерёвня». Райцентр, блин, двадцать тыщ человек.

Ты знаешь, я вообще не понимаю, как это свекруха Володю отпустила в другой город? Мы приехали, она его чуть не на коленки к себе усадила: «Ну рассказывай, как добрались? Ой, повзрослел-то как!» Я потом у него спрашивала, че ему в Питере-то не училось? Он сначала пургу нес, типа чувствовал, что со мной встретится, потому и уехал. Но один раз он мне сказал, что от материнской заботы устал просто, потому и свалил. Знаешь, наша мама по сравнению со свекрухой – ангел просто. Подумаешь, идея фикс – дочка-училка. Тю! это ж ерунда. А вот тотальный контроль – это пипец просто.

Вот не зря мне слово «свекровь» с детства не нравилось. Ты вряд ли помнишь, мы с тобой маленькие еще были, я в школу еще не ходила. Мама взяла нас на какой-то праздник к тете Гале, юбилей какой-то или еще что, и народу там была тьма-тьмушая. Короче, я запомнила с того праздника только отбивные какие-то и тетку одну. Противная она такая была, шумная, с фиолетовыми волосами, и все ее свекровью звали. Не знаю уж кому она там свекровью была, но я тогда уже поняла, что ничего хорошего от этого слова ждать не приходится... Свекровь, кровь... Как в воду глядела. Если б я беременной не была, меня б свекруха вообще с говном сожрала. Короче, начались у нас с ней контры. Но такие... Без скандалов. Улыбаемся друг другу, слова хорошие говорим, а за словами – ад какой-то. Например, с утра проснусь, на кухню пойду, чай заварить и чую: в затылке жгет как будто. Обернусь, точно, стоит в дверях. Улыбку на лицо нацеплю: «Здрасте, Евгения Андреевна. Доброе утро». А она тоже с улыбочкой: «Катенька, я ж вам вчера белье свежее дала, что-то я не видела, чтоб ты его гладила». Дашк, ну зачем, блин, простыни-наволочки гладить? Они ж после первой ночи уже все мятые, тем более, если на них молодые спят, а не старичье. Я ей про это и говорю. А она головой качает: «У нас в семье испокон веков белье гладили. Володенька привык на выглаженном спать». Выть хочется просто!

Я этого всего не хотела вам говорить, потому что... просто не хотела, и всё! Я должна была быть счастливой. Вот так вот. А тут получается, что и наша мама нос от меня воротит, и володина. Я мужу знаешь, за что больше всего благодарна? За то, что он сразу просек, что его мамаша меня ненавидит и квартиру нам снял. Он, правда, сомневался: я ж ему до этого говорила, что мне пóмощь нужна... Но тут я поняла, что если мы с его родителями в одном доме останемся, то быть мне разведенкой. Так что мы уже через неделю стали отдельно жить... Не то что в другой район, на другой конец города переехали. Но знаешь в чем кошмар-то: свекруха-то все равно как будто рядом с нами, как будто за стенкой живет. Как в триллере каком, я прям чувствовала, что она рядом. Хотела Володе рассказать, потом подумала: ну, нахрен, в дурку еще сдас. Еще Ксюша на подходе была.

И поговорить про это всё не с кем... На всякие мамочкины форумы я не ходок, какой-то проститней это пахнет, вываливать свои проблемы, чтоб все про них знали. А знакомых нормальных у меня в Питере нет. Володя хотел, чтоб я с подругами его друзей затусила, но они ж гордые. Нос задирают, не хуже свекрухи. Я один раз с ними попыталась, другой... А потом забила...

Детский голос: Па-па!

Вот и Ксю! Проснулась. Всё! Вечером тогда тебе это видео пришлю, а до конца всё завтра расскажу. Пока. *(Выключает камеру, уходит.)*

2. ДАША – 20 лет

Входит ДАША, она включает камеру, садится за стол.

Катя, привет. Вчера твое письмо получила, посмотрела, поплакала. Какой же бред, Катя, что мы пять лет не виделись. Приезжай с Ксюшей, поедem к маме. Я уверена, она тебя давно простила. Вот тоже решила тебе видеописьмо написать. Тебе-то не впервой. Я ж у тебя вконтакте видела, как вы с Ксюшкой для Деда-Мороза видеообращение записывали. Так что у вас опыт есть, а я вот в первый раз. Специально камеру взяла у однокурсника. Потому что мне тоже есть что рассказать, и надо сделать прямо сейчас. Все, как у тебя. И кому, кроме тебя рассказать, тоже не знаю. Не маме же, она с ума сойдет. Она ж думает, что у меня вообще все прекрасно, а ничего подобного. Поэтому, Катя, сама напросилась... буду тебе рассказывать. Мне кажется, ты должна меня понять.

Знаешь, я в нете как-то увидела такую смешную штуку. Может, ты читала... Мне кажется, она и про тебя, и про меня. Но про тебя больше, конечно. Все же понимали, что ты в пед пошла только потому, что мама так хотела. Мама только не понимала. Так вот, смешная штука из интернета. Там девушка одна размышляет на тему, как сложится судьба ее сына, если она будет поощрять его, и он станет клоуном... Или, наоборот, она его поощрять не будет, и он станет банкиром... Там еще какие-то варианты были, но я вот только эти два запомнила. Так вот итог там был один. Через двадцать лет сын придет и скажет: «Мама, зачем? Зачем ты отдала меня в клоуны? Я, как дурак, развлекаю детишек, а мне есть нечего»... или «Зачем ты отдала меня в банкиры? Я, как дурак, в банке прозябаю, а хочу детишек развлекать». В общем, по любому он придет и задаст вопрос «Зачем?» Тебе-то эта ситуация точно знакома. Я когда первый раз прочитала, сразу про тебя подумала, а вот с собой раньше не ассоциировала это все. А теперь вот задумалась... Ты вот говоришь, что я все время на маминой стороне, но это не так. Я ведь раньше ее тоже много в чем обвиняла. Молчала просто, и никто не догадывался. Но ты бы знала, как меня в школе раздражало, что я, черт знает во что одеваюсь.

Не, ну правда, остальные-то девочки у меня в классе были прям чудо-чудо, а я – хорошистка – ходила в каком-то тряпье. Ты за мамой донашивала, а я за тобой. Ты не представляешь, как мне обидно было. Я думала, оденусь я получше, и сразу все пойдет по-

другому, сразу мальчишки на меня внимание станут обращать. Милка Уматова со мной подружится и все такое прочее. А потом, в десятом, ты нам уже помогать начала, и одеваться я стала нормально. А меня все равно гнобили. Я решила, что это привычка у них такая. Только в одиннадцатом, к нам Оля Смирнова пришла, так она такооооо носила, это ужас просто. Я по сравнению с ней идеал стиля и вкуса. А еще она новенькая была... Но все равно чмырили не ее, а меня.

И я решила, что школу закончу, и будет круто. Но нет же. В институте все то же самое продолжилось. Хотя никто в группе не знал, что я когда-то, как лохушка, ходила. Гнобить меня не гнобили, но и не замечал никто. То есть замечали, но так... только по учебе. Как будто я не человек, а компьютер. Никто ж Яндекс или Гугл не зовет конец сессии отметить или там пива попить после пары, а вот спросить у них что-нибудь очень даже можно. Вот и со мной так. Еще и преподы масла в огонь подливали, тебя постоянно вспоминали: «как же, как же, помним, помним Катю, худшая студентка десятилетия, если б на забеременела, на отчисление пошла бы». И все удивлялись, как ты первую сессию умудрилась не завалить... Ой, ты прости. Но это ж они так говорили... Правда, так говорили. И что бы я не делала, какой бы отличницей не была, как бы не помогала однокурсникам, ничего не менялось. Преподы «отлично» и «хорошо» ставят, а сами все время про тебя говорят, а однокурсники в упор не видят.

Тогда я решила, что это все кончится, когда я пойду работать. Я третьего курса ждала, как Новый Год в детстве. Это же практика в школе начнется. И вот она, практика! Дождалась!

Всю неделю все было гениально. Я к урокам готовилась, как к поступлению когда-то. Где-то читала, что, если учитель хочет провести хорошее занятие на сорок минут, ему надо на подготовку потратить восемьдесят минут. Я тратила больше. Два часа. И это были хорошие занятия, Катя. Очень хорошие. Мне местная учительница тааакие комплименты отвешивала, я обалдела просто. Вот, думаю, началось! Осталось только учеников «пробить», и вот оно – счастье. Ты еще вчера письмо прислала, я думаю, все одно к одному, белая полоса пошла.

И тут у меня сегодня окно в школе... ну знаешь, так называют, когда перерыв между уроками есть... В общем пошла я в туалет. Сажу в кабинке. И тут две девки заходят, курят и учителей обсуждают. А я – в кабинке. Катя, это анекдот какой-то дурацкий, сценка, пошлая сценка из телека. Так вот сажу я, затаилась, как мышь, и слушаю. Они закончили кости перемывать всем учительницам. И по практикантам пошли. И по мне в первую очередь. Ты даже не представляешь, как мне хотелось выйти, им по башке надавать. Катя! Какие же они твари. Это ж просто с ума сойти. Вот ты посмотри на меня, я что? Блаженная что ли? Ну нет же, правильно? А платье (*встает, вертится перед камерой*), я

в нём в школу хожу. Что оно, плохое? Нет же. Мне кажется, оно как раз то, что надо: между откровенностью и строгостью попадает, нет разве? *(Садится.)* Катя, как же мне жалко, что ты бог знает где живешь. Я б с тобой ходила платья выбирать, а то не с кем. *(Снова встает.)* Ну это ж клёвое, правильно? *(Садится. Пауза.)* Ну в общем, я узнала, что и платье плохое, и я – блаженная, и невменько к тому же, и парня у меня нет, и никто меня... Дура, короче. А они, блин, из ума сшиты. Ты не представляешь, насколько они тупые. Я думала, у меня одноклассники без мозгов были, но нет, они – просто гении по сравнению с этими. Ну ладно, куда-то я не туда...

Так вот, сижу я в кабинке, слушаю это все, и у меня глаза прям налились, ну ты ж знаешь, я – плаксивая. То есть еще чуть-чуть, и хлынет. А у меня урок через полчаса. А эти никуда не торопятся. По одной выкурили, вторую начали. И говорят-говорят-говорят, и все про меня. И с выдумкой ведь, с фантазией. Они б на уроках такие креативные были. И когда я думала, что всё, разревуь сейчас, они взяли и ушли.

И я потом на урок прихожу, а они сидят прямо передо мной, на первой парте. И внимают мне, смотрят с уважением и почтением. Так тошно. А я что-то говорю на автомате, про идеальный газ, про степень свободы. А потом всё! Из головы всё разом вылетело. Стою, молчу и на них смотрю, на этих двух. Я ж в туалете-то их сразу узнала, по голосам. И вот стою, на них смотрю. И такой напряг начался. Знаешь, как в книгах пишут... Звенящая тишина... Вот это она и была. Тишина, и звенящая. И я начала про другое говорить. Совсем про другое.

Я в 12-м году, летом, в Москву поехала, просто погулять. Маме не сказала ничего, конечно. Наврала, что мне в институте надо какие-то дела делать и из дома уехала. В Москву бы она мне запретила, ты ж знаешь, она каждую копейку считает. Даже когда ты стала нам деньги присылать, все равно пояс туго затягивала. Я помню, на телефон нормальный копила полгода, а потом маме сказала, что это мне однокурсники на день рожденья подарили. Ну ладно, рванула, в общем, в Москву.

А в те дни «Pussy Riot» судили. И куда не залезешь везде про это разговоры: вконтакте, в фейсбуке, в новостях. Не продохнуть просто. Рядом с Хамовническим судом толпы. А мне на эту ерунду плевать, меня политика или религия никогда не интересовали, тем более, пуськи эти прям омерзение у меня вызывают. Но тогда что-то меня зацепило. И вот сижу я в Макдональдсе, с телефона новости читаю, а за соседним столиком парень с девушкой сидят, хипстеры. И парень весь на взводе. И я слышу, он говорит, на нервяках такой. «Прикинь, я сижу тут, тебя жду, ну сигареты положил на стол, и вот так вот сделал

(кладет локти на стол, ложится на них щекой). И охранник подходит и говорит, типа молодой человек, у нас тут не ночлежка, домой спать идите. Я ему: да я не сплю ваще-то. А он мне: вот и не спите, и сигареты со стола уберите, у нас тут не курят. Я ему говорю: да я и не курю. А он мне еще раз: сигареты уберите. И я убрал. Прикинь, гад какой. Что ж это за хрень такая? Что ж это за государство полицейское?» Катя, я вот эту ерунду услышала и на охранника оглянулась специально: милый такой мужичок, никакой по большому счету. Я потом специально внимание обращала, как он с другими посетителями разговаривает. Нормально разговаривает, без всяких назиданий, и уж точно не по нему надо судить, какое у нас государство – полицейское или нет. А парень этот, хипстер, от возмущения аж покраснел, и тут у него мобильник звонит, и, представляешь, на звонке – «Богородица, Путина прогони». Вот тут я обалдела просто. Сидит мажорчик, в фаст-фуде, с девушкой, бигмаки лопают и рассуждают про полицейское государство. И тут же – полчаса ходьбы – суд идет над теми дурами, которые у него в телефоне поют. И можно ведь сходить, поддержать их хоть как-то, но нет... он сидит тут, и говорит, что какой-то мужик с усами для него – полицейское государство.

Вот такая фигня, Катя. И я это все школьникам рассказала. Зачем, почему, не знаю. Понятия не имею. Я, честно говоря, думала, они ржать надо мной станут, но они охренели просто, даже шуршать перестали. И я им тогда сказала, что эта вот история прекрасно характеризует и мое, и их поколение, тем более я их не сильно старше: мы боимся что-то в лицо говорить, зато за глаза потрындеть горазды, а еще лучше вконтакте грязное белье пополоскать, причем лучше в личных сообщениях, чтоб уж точно проблем не было. И эта школота начала со мной спорить. Нет, кричат, все не так, мы свободные люди! А эти две, которые меня в туалете обсуждали, особо усердствовали. Мне прям в рожи им плюнуть хотелось.

Знаешь, ты когда в Питер уехала, Нина Сергеевна... тетка с пятого этажа, наверняка помнишь ее, склочная такая... Так вот она стала про тебя всякие гадости говорить, всякую чушь нести. Я один раз услышала, второй, третий... Вот тогда я узнала, что у меня есть такой накопительный эффект... Знаешь лекарства с пролонгированным действием? Ты их пьешь, пьешь, и вроде бы ничего не меняется, а потом – бац! и ты здорова. Вот такая же фигня со мной оказывается. В общем, раз пять я слышала, как эта Нина Сергеевна говорит мерзости про тебя, а потом подошла к ней и попросила ее заткнуть рот. Она зафыркала, начала там плести про молодежь нынешнюю и тэ-дэ. Я ей еще раз сказала, чтоб она рот заткнула, иначе убью ее. И я тогда поняла, что должно что-то вообще из ряда вон случиться, чтоб я взбесилась. И сегодня вот это «из ряда вон» и случилось. Они же сидели – эти две дряни – и мне в глаза ввали, что они такие правдивые, что у них поколение – офигенное и дальше, дальше, дальше что-то еще несли.

А я сижу, слушаю и молчу. Не соглашаюсь, не возражаю. Просто молчу. Ну и они болтают, болтают, а потом замолкли. Как-то разом, весь класс... Катя, я, наверное, дура все-таки, да?.. Ну зачем я все это затеяла? Зачем? Они заткнулись, сидят, на меня смотрят. И я им говорю: вот и очередное доказательство того, что вы все – лжецы. Сказала, встала и ушла. Вещи забрала из учительской, и – в общагу. Вот, сижу тебе сообщение записываю. Не знаю даже, что дальше будет? что с практикой будет? что в школе теперь скажут? Ну как это, взяла и с урока ушла. А ученики-то на меня еще и стукануть могут... Ой...

Ладно, давай, пока. Ты расскажи, что там у тебя случилось-то. *(Выключает камеру, уходит.)*

3. ПЕРВЫЙ РОЛИК С YOUTUBE

На мониторе девушка. На ней – маска, закрывающая пол-лица. Голос обработан звуковыми фильтрами, а потому звучит несколько «металлически».

Всем привет. С вами Ира-Задира и мой видеоблог «Без купюр». В отличие от топовых блоггеров я буду обходиться без монтажа, спецэффектов и выплывающих рисунков и буквочек. Топовые, слышите меня? Вот что я о вас думаю! *(Показывает в камеру средний палец.)* У меня нормально подвешен язык. Я не собираюсь ни заикаться, ни запинаться. И уж тем более, я не буду нарезать выпуск из ста шестидесяти семи дублей. Ясно вам? Еще я не планирую говорить о шмотках, о психологии, о том «Как развести парня на кино-ужин-айфон и остаться при этом девственницей». И, само собой, мы обойдемся без рассуждений на тему «Какой мем самый прикольный?» В моем блоге не будет никакого гламура, здесь вы услышите только правду жизни. Без купюр. О моей школе, о моих подругах, наших учителях... Вы скажете «Фуууу! Какая чушь! Банальность! На хрена мне это смотреть?» А я вам отвечу «на хрена». Во-первых, у меня очень крутые подруги, о которых должны знать все. Во-вторых, я обещаю вам видосы про то, как достать училок, как довести пацанов и выдрессировать родителей. Да! кроме этого будет серия мастер-классов на тему «как общаться с лохушками». А для пацанов будут интимные штучки. Я знаю: это вы любите.

Вы сейчас, наверное, смотрите этот видос и думаете: Ээээ, ты ж только что сказала, что у тебя все вживую будет и без купюр. Тогда че это у тебя маска на роже и какого хрена такой металлический голос?» Отвечаю: я просто не дура, вот и все. Может, вы хотите, чтобы меня училки наши запалили? Или родители? Нееее, нахрен-нахрен. Я не настолько без башки. Обработанный голос – цена, которую я плачу за то, чтобы рассказать вам все, как есть.

Короче, подписывайтесь на мой канал, будет интересно, я вам обещаю.

Мальчики, ау! *(Встает, чуточку задирает майку либо делает какой-то другой «дразнящий» жест.)* Продолжение будет, ждите. *(Посылает воздушный поцелуй).* Такие дела.

4. ДАША – 20 лет

Входит Даша, она смеется, включив камеру, садится за стол.

Катя, так смешно сейчас было, ты не представляешь. Я видео для тебя записала, таблетку успокоительную выпила и спать завалилась. И сны снились такие смешные: как будто я выпускные экзамены сдаю, а пришла на них босая, и ноги все в грязи. И тут меня кто-то давай за плечо трясти, я глаза продрала, это соседка моя – Верка. *(Кричит в сторону.)* Верка! Иди сама расскажи! Смешно ж.

Хлопает дверь.

(В камеру.) Ушла. Обиделась. Так вот, будит меня Верка и говорит мне: «ты что, ты что делаешь?» А я понять не могу. А она говорит: «а ну два пальца в рот суй!» Я ей: «ты с ума что ли сошла?» А она давай в скорую звонить: «попытка самоубийства» в трубку кричит. Я у нее телефон отобрала. Ты чего? спрашиваю. А Верка: «неудачная практика в школе – не повод для суицида». Про грех что-то рассказывает, она у меня религиозная. Я у нее спрашиваю, какое еще самоубийство-то? А она мне показывает на пустую коробку из-под успокоительных моих. А я, правда, последнюю штуку выпила, и коробка пустая стоит. И если в медицине не разбираться, то можно подумать, что человек реально решил отравиться, а это ж безвредное лекарство-то, на травках. *(Смеется.)* Я ей это все объяснять начала, она давай плакать. Теперь я ее уже утешать. А она мне говорит: «Я как увидела тебя, таблетки эти твои, подумала, что встретишься ты на том свете с Богом, и Он тебя спросит: ты почему, Даша, решила умереть? А ты ему скажешь: потому что практика у меня в школе плохая была». Я как давай хохотать. И она тоже – плачет и смеется. А теперь вон дуется, «зачем про это рассказывать, что ты из меня дуру делаешь». Ладно, Катюш, давай, пока. Хорошо хоть на позитиве каком-то закончила. *(Смеется, выключает камеру, уходит.)*

5. КАТЯ – 22 года

Входит Катя, включает камеру, садится на стол.

Привет. Пипец, мы с тобой сложные (*усмехается*). Другие бы уже созвонились давно. Телефон же есть, скайп... А мы тут видеописьма друг другу шлем. Но я все равно звонить тебе не могу, потому что... Сейчас поймешь, почему.

Короче, по твоей ситуации. Что могу сказать? (*Пауза.*) Да ничего. Я не знаю, что делать, Дашк. Я до третьего курса не доучилась, слава богу. Я и тебя понимаю хорошо: ты жопу рвешь, хочешь до них донести что-то правильное. Но, ты уж прости, это правильное только с твоей точки зрения, а не с их. Потому что их я тоже понимаю. Ты ж совсем другая. Им физика твоя не нужна, им отрыв нужен. Им же шестнадцать. Ты только себя не вспоминай в шестнадцать, меня вспомни, какая я была. Вот и они такие же, только понтов больше. Конечно, мы-то в райцентре выросли, а они, сука, в областном центре! Не двадцать тыщ население, а пятьсот двадцать. (*Смеется.*) На самом деле, мама – молодец, хотя бы потому, что она нас из одной дыры в другую пихнула. Совсем днище было, а стало чуть легче. А мне вообще повезло, я на поверхность всплыла, да?

Только гляди, как получается. Мы с Володей на съемную квартиру переехали, я тебе говорила уже. Я – беременная, а беременные раздражительные все. Я, по крайней мере, точно бесилась по любому поводу. Короче, начал меня Вова злить. Еще свекруха чуть не каждый день к нам приезжает, а когда не приезжает все равно, как будто за стеной... Но я говорила уже про это. И готовлю я хреново. И подметать ненавижу. Хорошо хоть стирать не вручную. Но если вещи постираны, их же гладить все равно надо. Это с простынями все ясно, а про рубашку же не скажешь, что она все равно помнется. А гладить я не люблю. Наглухо не люблю. К тому же живот мешает. И мне вдруг резко стало понятно, что я не «пушистый ушастый зверек с большими глазами», а ужасно ленивая баба с большим животом.

А еще я поняла, что в общаге весной я влюбилась не в Володю, а в стихотворение Набокова, потому что мне хотелось тогда вот этой ванильности, которая так меня в интернете бесит: «Цитаты мудрых вконтакте» или там «Великие афоризмы». И все это типа выражает глубины души. Я ржала над этим, а самой хотелось. И Вова с Набоковым просто угадал. Это было и мило, и небанально. Если б он прочитал «Я помню чудное мгновенье...» ничего бы не случилось: никаких любовей, браков и прочего. Но я это все

поняла уже в Питере. И что мне с этим вот пониманием делать – непонятно было. Я беременная, и я не люблю мужа, это трэш какой-то.

А он еще в школу устроился работать, по специальности. Типа любимая работа, все такое. Хотя свекр ему сразу сказал, чтоб он ваньку бросил валять и к нему на фирму шел. Но Вовчик уперся, ни в какую. У меня свой путь, говорит, не хочу я клерком быть в офисе. Ну не хочет и не хочет, родители его нам все равно продолжали подкидывать. И некисло так. А он брал. И я не говорю ему ничего, а сама думаю, что он очень похож на девку одну, у нас в классе была.

Мы как соберемся после уроков бухнуть, так она с нами. Скидывается со всеми вместе, пьет наравне. Только денег родители мало давали. Не только ей, – всем. И никогда пива не хватало. В итоге мы ходили бутылки собирали «на еще». Все ходили, кроме этой девки. Она гордая была. Зато бухать потом она – не гордая. То есть мы бутылки соберем, сдадим, пиво купим, и она с нами садится пить. И я один раз ей сказала, чтоб она в жопу шла со своей гордостью. И она пошла. Больше с нами не пила... Или мама, тоже ведь принципиальная: общаться со мной не хочет, не позвонит, не узнает, как внучка? А деньги берет. Вот и Володя такой же. В офисе у отца вкалывать желания нет, по своему пути идет, а баблом-то папиным не брезгует. Очень мне хотелось сказать Вовчику, как той однокласснице, чтоб он свою гордость, куда подальше засунул. Просто, чтобы тупо признал, что никакого своего пути у него нет, и он такой же, как и его дружки питерские: никто денег не зарабатывает толком, всё за счет родаков. Только Вовочка «хорошее, доброе, вечное» детям впаривает, а дружки его по клубам кокс нюхают. Вот и вся разница. Но я сдерживалась. Мне кажется, Вова вообще не просекал, что у меня что-то там на уме есть. А потом родилась Ксю. И я в ней растворилась, как мамочки эти сумасшедшие: «Мы вчера тааак покакали, кашечечки красненькие, ровненькие». Я раньше думала: «что это за бред?!» А потом сама такой стала, и для меня все остальное вдруг перестало существовать, то есть вообще перестало. Нам родители воины двушку подарили, почти в центре Питера, прикинь. Это они нас так с рождением Ксю поздравили. А я думала только о том, что да, это удобно, потому что всякие крутые поликлиники и развивающие центры под боком. Я не думала про клубы, про тусовки и всякие другие вещи, которые меня раньше вштыривали. Только Ксюша моя. А все остальное стало бесплатным приложением к ней. Свекр, свекруха, Вова, какие-то другие мамочки на площадке, они все как будто глюком каким-то были. Реальная только дочка. И, знаешь, вся эта нелюбовь к Володе, она сразу как-то в сторону отошла. А потом, когда Ксюше два и восемь было, я решила, что ей пора с другими детьми общаться плотнее, и мы в детский сад пошли. То есть реально мы пошли. Я нянечкой устроилась, точнее свекр помог устроиться, кроме меня другие желающие были. Только они не хотели за садик платить. А я не хотела с дочкой расставаться. Володя на меня нарадоваться не мог, у его дружанов жены родили и продолжали тусоваться, по клубам, по пати и афтепати всяким. А у него женушка с дочкой

все время занимается, и готовить хорошо начала, и квартира в чистоте всегда. Только я все это не для него делала, и не для себя, а для Ксюшки. И готовить научилась, и квартиру вылизывала, дай боже.

А пару месяцев назад меня накрыло. Я вдруг поняла, что не хочу с Володей жить. Я пять лет, считай, как будто в подводном царстве провела, с Ксюшей там плавала, не хотела наружу выныривать. А тут мне вдруг так противны стали его эти обнимашки утренние, глаза эти его влажные, запах изо рта. Ты не представляешь, как у него с утра изо рта пасёт. Короче, я опять поняла, что мне с этим человеком никак нигде, и надо срочно разбежаться. Только знаешь, какая беда? Я в воиной семье никто была. И есть. Проблема в том, что если мы разбежимся, я вообще ни с чем останусь. У нас из совместно нажитого имущества телек, комп, ксюшины игрушки и одежда. Все остальное – свекра со свекрухой. И квартиру-то они нам подарили, конечно, только оформлена она на них, а не на нас. Смешно, правда? И если мы разбегаемся, то мне надо будет или квартиру в Питере снимать или к маме возвращаться. Хату снимать мне не на что. А к маме... я не хочу! Совсем не хочу, понимаешь? Это же ад какой-то будет. Во-первых, я к нормальной жизни привыкла. Да что я-то? Ксюшу-то как отсюда выдирать? А им я ее точно не оставлю... К тому же, если я приеду, меня мама под монастырь подведет. Она ж нудеть будет бесконечно, что я не стала учительницей, не оправдала, блин, ее надежд. Да не хочу я училкой быть, не хочу! Никогда не хотела. Не моя это тема. Может, твоя, Дашк, но не моя.

А Вова главное приходил из школы и рассказывал, как и что у него там. Какие ученики хорошие, а какие тупые напрочь. И так каждый день, и он настолько в свою эту школу погрузился, что не замечал, как я к нему отношусь, как на него смотрю... наверное, я так же почти пять лет его не замечала. Ну, бегают что-то под боком, ну забирается на меня ночью иногда, ничего страшного, переживу. А оказывается он такой же зацикленный, как я. Только для него не Ксюша важна, а работа. То есть он и Ксю любит, конечно, мы там в кино вместе ходили, на всякие карусели летом... Дашк, если б ты знала, какое здесь раздолье для детей! Гулял он с ней, конечно. Но на меня-то ноль внимания. То есть я для него была как Крупская для Ленина, – не жена, а соратник. И если раньше я на это внимания не обращала, то теперь я его просто возненавидела. Он домой приходит, я ему борща наливаю, для Ксюши, между прочим, сваренного, не для него... Он сидит, жрет и рассказывает. А я слушаю, что он там несет про хулиганов и про отличников. И каждое его слово – еще один повод для нелюбви.

И я решила отомстить. Но не впрямки, типа там битого стекла в суп насыпать или во сне задушить. Я решила всему миру отомстить. Маме, за то, что она меня в училки снарядила. Володе, за то что он школу любит больше, чем семью. И... прости уж, тебе тоже, за то, что ты мамины надежды оправдала, а я – нет. Я поэтому и в глаза тебе не могу смотреть, а

признаться надо, потому что такая жопа случилась... *(Пауза. Достает мобильник, смотрит на часы.)* Блин, я думала за десять минут тебе все расскажу. Не успела... А мне Ксю надо к свекрухе отвести, на выходной попросила. Потом дорасскажу, ладно? Все, давай, пока. *(Выключает камеру, уходит.)*

6. ВТОРОЙ РОЛИК С YOUTUBE

На мониторе девушка в прежней маске, в руках у нее планшетный компьютер. Голос по-прежнему металлический.

Всем привет! Это Ира-Задира и мой видеоблог «Без купюр». Вы даже не представляете, как я замучалась голос себе обрабатывать. Да, в плане технических штук – я лох. Но все не зря. Прошлый выпуск набрал аж двадцать пять просмотров! Пару раз лайкнули. И даже коммент был (включает планшетник, смотрит на монитор): “Ничо так, только вспоминается мне фильм «Утомленные солнцем». Внимание, цитата: «покажи сиськи»”. Короче, это успех! Но сегодня я хочу рассказать вам не про сиськи-жопки, а про училку сумасшедших. Но не про тех, которые орут и волосы у себя на голове рвут. Про них не интересно. А про тех, которые че-то впарить нам хотят, кроме уроков. Морально-нравственные ценности. Так они это называют. Приходит такая училка и давай рассказывать, какое мы бездуховное поколение. И меня знаете, че веселит? Все эти проповедницы больше всего страдают не от чьей-то там духовной нищеты, а от недотраха. У них просто мужика нормального нет. Всё! Я как не посмотрю, никто их из школы не встречает, на машине до работы не подвозит. А как только начинают подвозить, то всё, заканчиваются речи про крах и ужас. Причем смотрите, какая фигня, возьмите кино русское... Не, вы не подумайте плохого, я русское кино не смотрю... Так, попадалось как-то что-то. Просто лет пятьдесят уже постоянно снимают фильмы, в которых училки что-то там втирают своим ученикам о том, что они были совсем другими. Постоянно втирают. Из года в год. Лет сто назад поди тоже впаривали. И какая-нибудь лохушка из моего класса тоже вырастет, пойдет в педун и в моей же школе будет вести что-то и впаривать моей дочери эту лажу. «Вы – бездуховные, вы – безнравственные, вы – бессмысленные». А ты, карга тупая, давно с мужиком без трусняков не лежала, вот что. Понятно тебе? Я это все к чему говорю, дур таких учить надо! И дураков тоже. А как, – я расскажу в следующих выпусках. И напоследок видео.

Видео с записью школьного насилия. Это может быть избивание школьника школьниками или учителя школьниками.

С лохами надо только так. *(Посылает воздушный поцелуй)*. Такие дела.

7. КАТЯ – 22 года

Катя включает камеру, садится на стол.

Я тебя обманула. Не нужно мне ни к какой свекрухе идти. Я просто боюсь тебе рассказать. Но надо.

Короче... *(Долгая пауза.)* Я – предательница. Я предала маму, Вову, тебя. Я не знала, куда мне всю свою ненависть к вам деть, я начала ее на других выплескивать. Но не на конкретных людей... В интернет. Вспомнила, блин, актерское прошлое. Я не знаю, ты может даже видела. *(Достает из стола и надевает маску, которую мы уже видели в ютьюбовских роликах.)* «Всем привет. Это Ира-задира и мой блог «Без купюр». *(Стягивает маску.)* Сейчас-то я уже поудаляла все. Короче, я в этом своем видеоблоге изгалялась над вами всеми, учителями. Хорошо еще, что я эту байду раскрутить не сумела, всего пять выпусков сделала, и то их полторы калеки посмотрели. И слава богу, что так. Потому что это кошмар какой-то. Ад. Знаешь, есть же статья такая «за разжигание ненависти». Вот я под эту статью по ходу и попадаю. Но проблема-то даже не в том, что это уголовно наказуемая штука. Я тут как девочка веселилась и прикалывалась, но не думала, куда это все ведет. И как-то легче становилось каждый раз, знаешь... Как только записала пару выпусков, сразу и с Вовой лучше стало, и маме я денег выслала больше, чем обычно. Даже собралась ей звонить, первый раз за четыре с хреном года. А потом снова на всех окрысилась. Записала еще выпуск – опять добра-весела. И так все время, как наркотик какой-то.

А потом Володю избили. Его же ученики. Тоже в масках ходили по школе, в классы заглядывали, орали, а Вова вышел, начал с ними разбираться, они его вноговую пропустили, на видео записали, в сеть выложили. Вова в больничке лежит третий день, в коме. И положение ни к черту. И знаешь, что самое страшное, я ничего к нему не чувствую. Вообще ничего. Только стыд. Потому что понимаю, что это я виновата. В том, что его избили, в том, что тебя в школе ненавидят, в том что каких-то других училок гнобят сегодня. Это ж я записывала эту дрянь, я гнала на учителей. И не видели эти придурки, скорее всего, ни одного выпуска, а только все равно я виновата. А не кто-то еще. Ты прости меня, Дашк, пожалуйста.

Телефонный звонок.

(Достает мобильник, смотрит на монитор, в камеру.) Не Дашк, извини, не могу я сейчас с тобой разговаривать. Не буду. Давай позже. *(Выключает камеру, уходит.)*

8. ДАША – 20 лет

Даша выбегает, включает камеру, садится за стол.

Ну чего ты трубку не берешь?! Почему?! Я специально пятьсот рублей на номер положила, рассказать тебе все в живую хотела. *(Пауза.)*

Я вчера на позитиве закончила, только этот позитив в такой ужас вылился... Я видео записала, ссылку тебе отправила и снова Верку подкалывать начала. Смеялась над ней, смеялась. Она наконец-то обижаться перестала... Сидим с ней хохочем, как в комедии какой-то дурацкой. А после мне что-то не по себе стало. Вот эта вот тема с вопросом, который тебе Бог задаст после смерти: «Ты почему решила умереть?» Мне кажется, главнее же нет ничего в жизни, вот этот вопрос самый главный. И меня накрыло, сижу, в стенку луплюсь и думаю.

Вот закрой глаза и представь себе: улица, день. Идут люди. Представь девочек-школьниц. Какие они? *(Закрывает глаза.)* У меня 13-летние, яркие, живые, бегут куда-то, в кино, может, или в кафе какое. Теперь представь студенток, смотри, они – легкие, но уже потяжелее, у них на лице прям написано «где взять бабла?», родители еще дают, но раньше денег просто не хватало, а теперь их не хватает совсём. Теперь вспомни этих... молодых специалистов, 25-30 лет. У них еще хуже: работа, кредиты, ипотека, дети маленькие... А потом 40 лет. Всё, глаза в землю, ничего не разглядишь у них в глазах. Был человек, и нет человека. И вот, казалось бы, опыт, знания, мудрее люди становиться должны. А они не мудрее становятся, а мертвее. Идут, под ноги себе смотрят, могилку подходящую ищут. И я вчера представила это все себе и говорю: «Верка, еще чуть-чуть и я, как баба 40-летняя буду, мне сейчас уже ничего почти не хочется. Год назад еще хотелось что-то, а сейчас нет». А Верка сидит на меня смотрит и повторяет, как заведенная: «Дашк, ты че? Дашк, ты че? Дашк, ты че?» Как зомби. Знаешь, как мне тогда страшно стало? Не от того, что Верка, как зомби. Нет! От самой себя. Катя, это ужас просто. Я поняла, что у меня в голове постоянно одни и те же вопросы крутятся, очень странные... то есть они не странные, они – «правильные», потому что так все думают. Я поняла, что меня занимают всего три момента только: «где денег достать?», «как в приличную школу устроиться?», «почему Колька Пахомов оказался таким гадом, и где

найти нормального?» И всё, кажется. Ну то есть, про еду тоже иногда думаю, или про отдых, что-то сиюминутное. А основных всего три вопроса. И это ужас, Катя. Раньше ведь вопросов было больше. В тыщу раз больше. Ну сама вспомни... Хотя чего тебе вспоминать? Ты же с Ксюшей общаешься, она ж, наверняка, без остановки тебя спрашивает о чем-то. Так вот я к чему это все веду... Тут есть соотношение, это я тебе, как технарь говорю: мертвость человека прямо пропорциональна количеству вопросов в его голове. То есть, чем больше вопросов, тем я живее. И наоборот: чем меньше, тем... Черт! И знаешь, что самое страшное, Катя? Когда вопросов не остается вообще. Про таких людей разное говорят. Кто-то скажет, что они счастливые; кто-то – что зажавшиеся. Но это просто мертвецы. Ходячие мертвецы. Смотрела сериал такой? Я – нет, но название подходящее.

У всяких звезд в интервью иногда спрашивают: что бы вы хотели изменить в своей жизни? И все одно и то же говорят: ничего. Все беды их устраивают, все проблемы стали трамплином на пути к успеху и так далее. А я вот вчера подумала, что мне всего двадцать, а я уже хочу кое-что изменить. Я хочу уничтожить тот день, когда у меня появились ответы на все «детские» вопросы и остались вопросы только «взрослые». Детские вопросы – настоящие, взрослые – насущные. Слова похожие, смысл разный.

И я начала все то же самое говорить соседке. Думаю, она ж верующая, значит больше вопросов должно быть в ее голове-то. А Верка на меня смотрит с непониманием и говорит: ты чего? Я ей пытаюсь объяснить, и все бёз толку. Слушай, говорю, ну ты же в церковь ходишь, причащаешься, постишься, еще что-то делаешь; у тебя же должны быть другие вопросы, кроме, с кем переспать? Верка опять обиделась, рот сделала гусиной жопкой, встала и к двери пошла. Я ее остановила, извинилась, начала по религии ее о чем-то спрашивать, она обрадовалась, решила, что я наконец-то к Богу надумала обратиться... Только мне самой-то не очень интересны все эти штучки религиозные, я просто хотела понять, есть ли для Верки какие-то нераскрытые вещи. Представляешь, нет. Я ей вопрос, она мне ответ. Я – вопрос, она – ответ. И споро так отвечает. Ей все уже рассказали, и другие ответы ей не нужны. И вопросы не нужны. Полчаса мне инструктаж по православию проводила. И я понимаю, что с ней мне ловить нечего. Я решила дальше пойти. По общаге. В одну комнату зашла, в другую. И везде одно и то же. *(Изображает нарочито дебильно.)* «А? Че?» *(Обычным голосом.)* Я как будто в каком-то плохом арт-хаусном фильме оказалась. Знаешь, бывает такое кино невнятное, вроде притчи; как будто с глубоким смыслом, а на самом деле ни о чем... Вот я вчера в этом «ни о чем» и очутилась. Катя, это не ужас даже. Это хуже ужаса.

Я представляю, если бы мне это не сейчас в голову пришло, а в школе, например. Я бы к маме, наверное, пошла бы, спрашивать, какие она себе вопросы задает?.. Хотя вряд ли, не

пошла бы. Я же в школе думала, что это она во всех моих бедах виновата. Нет, ну а если бы я к ней пришла?.. Ты подумай, как бы она отреагировала... Если уж студенты на меня, как на дуру смотрели, то как бы мама посмотрела? В общем, я вчера бог знает сколько людей обошла. К знакомым заходила, к незнакомым. Потом я уже поняла, что надо было не напролом переть, а как-то поаккуратней с этим разговором.

То есть ты не подумай, что я сейчас вообще среди дебилов живу. Нет, конечно. Вопросы есть у всех, только все они к одному и тому же сводятся: как мне хорошо поесть? как мне хорошо отдохнуть? как мне сладко сходить в туалет? с кем мне переспать? Стандартный набор. Бизнес-ланч современного человека. Только тут есть одна затея. Помнишь Дымку нашу? Так у нее список желаний такой же был: туалет, миска, лежанка, мужики, коты то есть. А как она внимательно мультики смотрела, помнишь? Повнимательней нас с тобой. Но это же кошка. Тогда вопрос: чем она от нас отличается? Получается тем, что говорить не может? Всё? Желания-то такие же, как у всех остальных.

И я сегодня всю ночь заснуть не могла. Все думала и думала... Представляешь, я, правда, ничего не хочу узнать, меня никакие вопросы не интересуют. То есть я могу напридумывать себе вопросов, но это же все не то будет. Они меня не будут по-настоящему занимать. Это как я Верке задавала вопросы по религии, но мне все это не очень интересно.

Но к утру один вопрос мне в голову пришел. Зачем я вообще тут? ну хотела мама в пединститут двадцать пять лет назад поступить, ну не поступила. Я-то тут причем? А ты причем? Ты же актрисой хотела стать. Как же ты круто тогда Пеппи Длинныйчулок играла в нашем ДК. А потом мамины эти истерики, скандалы, и ты в пед поступаешь. А после мама истерит из-за того, что ты учебу бросила, и я начинаю готовиться к поступлению в пед. Как же я тебя тогда ненавидела. Я же тоже не о школе мечтала, думала инженером буду. Но мама сказала «надо», значит надо... И теперь маме хорошо. А мне? А тебе? Я сижу сейчас вот это все тебе рассказываю, и не знаю, как дальше-то быть? А может, надо все бросить и вернуться назад, в райцентр наш? Мама ругаться будет, а потом привыкнет. Я не знаю.

Но знаю теперь, что надо не только ответы искать, но еще и новые вопросы искать надо, развиваться куда-то. И не только ученые должны этим заниматься. Не-ученым тоже надо новые вопросы искать. Или так, или морду в землю уткнуть, копеечку искать. Или могилу. Всё. *(Выключает камеру, уходит.)*

9. ВЕРА – 20 лет

Выходит ВЕРА, она встает на колени и глядит вверх.

Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день, и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим. Не введи нас в искушение, но избави нас от лукавого. Ибо Твое есть и царство, и сила, и слава вовеки. Аминь! Господи, послушай меня, Господи, пожалуйста. Я Тебя очень прошу, Господи. Выкинь из моей головы весь тот дашкин бред, который там сейчас есть. Господи, ну зачем Ты мне подселил такую соседку? С ее-то бреднями. Господи, зачем она мне все это про вопросы говорила? Господи! Зачем? Я ж за нее Тебя просила, чтоб Ты ей все ответы дал. Ведь Ты же на все ответить можешь, Господи. А теперь что? С отцом Тимофеем поговорила, получше стало, он мне рассказал все, по полочкам разложил. А потом в общагу вернулась, а там Дашка сидит, в стенку уставилась, вопросы ищет. Господи, да пусть ищет себе. Она домой уехала, чокнутая. Вся общага ей у виска покрутила, она и уехала. А я теперь ночами спать не могу. Мучаюсь. Мертвая я или живая? Но при чем тут я-то? Господи, как же раньше-то просто было. Господи, помоги мне. Дай мне избавление от этого всего. Я Тебя очень прошу, Господи. Я очень Тебя прошу. Господи! Выброси Ты все эти вопросы у меня из головы! Выброси! Господи!

10. КАТЯ – 22 года

Катя, одетая в черное, сидит на столе, она разговаривает по мобильному телефону.

Мам, привет. Это я, Катя... Да, мам, я... Как у тебя дела?.. Ну чего молчишь, мам? Как ты?.. Mam, не молчи, пожалуйста... Mam, я приеду, мам. Я Ксюшке столько про тебя последнее время рассказываю, она теперь с бабой Таней познакомиться хочет... Нет, я тоже соскучилась, мам... Да завтра же билет возьмем и приедем. Нет, только Ксюша. Вовы не будет, мам... Вообще. Больше не будет. Завтра же билет возьму, и приедем, мам... Дашка у тебя? Хорошо, мам... И я скоро буду. Я тебя люблю.

2015 г.